

© 2012 г.

М.Л. СВОЙСКИЙ (США)

ИЗ ИСТОРИИ БАХМЕТЬЕВСКОГО АРХИВА В США

В апреле 1951 г. было заключено устное, “джентльменское” соглашение между представителями русской эмиграции в США и администрацией Колумбийского университета в Нью-Йорке о создании Русского и Восточноевропейского архива. В июне 1951 г. архив принял первых посетителей¹. Идея создания архива была выдвинута историком, общественным деятелем и коллекционером Б.И. Николаевским. Его поддержали представители американских академических кругов профессора М.М. Карпович, Г.В. Вернадский, Ф.А. Мозли, Г.Т. Робинсон. Проект нашел поддержку у ректора Колумбийского университета Г. Кирка и президента университета, будущего президента США Д. Эйзенхауэра. Для архива было выделено помещение в фондах Библиотеки редких книг и рукописей, одной из многочисленных библиотек университета.

Следует заметить, что современный американский исследователь Д. Ингерман утверждает, что именно Ф.А. Мозли с помощью своего гарвардского наставника М.М. Карповича связался с Б.А. Бахметьевым и предложил создать архив, содержащий материалы по русской истории и культуре на базе Колумбийского университета².

Первоначальное финансирование архива осуществлялось Фондом Рокфеллера, более полутора миллионов долларов выделил Гуманитарный фонд, созданный и руководимый Б.А. Бахметьевым (1880 – 1951). В 1973 г. финансовые ресурсы Гуманитарного фонда истощились, Колумбийский университет полностью принял на себя обеспечение архива, который стал называться Бахметьевским архивом Русской и Восточноевропейской истории и культуры.

Среди факторов, сыгравших определяющую роль при создании архива, обычно называют начало “холодной войны”, необходимость расширения подготовки американских славистов, что выразилось, в частности, в создании Русского института (ныне Институт Гарримана) в рамках Колумбийского университета, и прибытие в США значительного количества русскоязычных иммигрантов из Европы после окончания Второй мировой войны. Многим из них удалось вывезти свои коллекции документов, письма, дневники, фотографии, нередко представлявших значительную ценность в качестве исторических источников. Оказавшись в США, они стремились обеспечить сохранность документов, передать их в крупное, надежное хранилище. Бахметьевский архив, созданный как центр для сбора и хранения материалов, относящихся к истории и культуре русской и восточноевропейской эмиграции, и действующий под солидной университетской крышей, удовлетворял всем этим требованиям.

Создание Русского института, призванного стать одним из важных “мозговых центров” в стране, при Колумбийском университете, действительно подчеркивало его высокий исследовательский потенциал и органическую связь с академической наукой в

Свойский Марк Львович – профессор университета Св. Иоанна, Нью-Йорк (США).

¹ Памяти Льва Флориановича Магеровского. – Записки Русской академической группы в США, 1986, т. 19, с. 464; *Raeff M.* Introduction. – *Russian and East European Books and Manuscripts in the United States*. New York, 2003, p. 2.

² *Engerman D.* The Cold War’s Organization Man. – *Humanities*, 2009, v. 30, № 5, p. 24.

дополнение к его очевидной роли учебного центра по подготовке славистов, претворяя на практике плодотворную идею интеграции науки и образования. Институт в своей деятельности опирался на разветвленную библиотечно-архивную систему университета, особенно активно и целенаправленно использовал обширные возможности Бахметьевского архива.

Вместе с тем, следует обратить внимание и на то, что именно в Колумбийском университете уже в начале XX в. возник устойчивый интерес к русской литературе, истории и культуре. Еще в 1921 г. прибывший из России А.Т. Ярмолинский успешно окончил университет и защитил докторскую диссертацию о творчестве Ф.М. Достоевского. Это была первая диссертация по русской литературе, защищенная в американском университете, а сам А.Т. Ярмолинский активно участвовал в создании Славянского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки и руководил им в 1917–1955 гг.

Ряд значительных собраний российского происхождения поступил в библиотечные фонды университета еще до возникновения архива. Среди них, например, три альбома, принадлежавших семье Верещагиных и содержавших рисунки и стихи М.Ю. Лермонтова. Они были приобретены на аукционе в Берлине. В библиотеке университета хранилась обширная переписка Л.Н. Толстого с его американскими переводчиками. В 1931 г. университет приобрел коллекцию историка А.Е. Преснякова – более пяти тыс. томов, включая 2 200 томов периодических изданий. В 1932 г. фонды пополнило собрание С. Абеля – более 3 500 томов, в том числе большое количество литературных журналов и периодических изданий эпохи революции 1917 г. Несомненный интерес представляли документы социал-демократа Г.А. Алексинского (1879–1967) и российского дипломата барона Г.Ф. Сталя (1824–1907). Университет уже в 1948 г. начал переговоры о приобретении архива генерала А.И. Деникина.

История создания архива подтверждает известное высказывание Оскара Уайльда: “Личности, а не принципы двигают эпохами”. Бахметьевский архив на протяжении шестидесяти лет своего существования стал яркой страницей истории русского зарубежья, истории отечественной культуры. Его создание выглядит естественным, органичным завершением, вершиной всей напряженной, плодотворной научной и общественно-политической деятельности, всего жизненного пути Б.А. Бахметьева.

Борис Александрович Бахметьев родился в Тифлисе в 1880 г. по одним данным, 1 мая, по другим, 20 июля³. Происхождение его не вполне понятно. 25 ноября 1892 г. он был усыновлен инженером и предпринимателем Александром Павловичем Бахметьевым, который дал приемному сыну хорошее домашнее образование.

Закончив гимназию, Б.А. Бахметьев отправился в Петербург, где поступил в Институт инженеров путей сообщения, один из ведущих технических вузов столицы. С 1902 по 1904 г. он стажировался за границей, готовился к преподавательской деятельности в Петербургском Политехническом институте, открытом в 1899 г. по инициативе С.Ю. Витте и испытывавшем потребность в высококвалифицированных профессорах. Первый год Б.А. Бахметьев провел в Цюрихском политехническом институте, а второй – в США, где принимал участие в постройке канала Эри и других технических проектах.

Вернувшись в Россию, Б.А. Бахметьев стал профессором Политехнического института. В 1911 г. он защитил докторскую диссертацию в Институте инженеров путей сообщения. Все складывалось вполне благополучно для молодого профессора: успешная карьера, удачная женитьба, но рамки преподавательской деятельности были для него

³ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; *Будницкий О.В.* Б.А. Бахметьев – дипломат, политик, мыслитель. – Россия в США. Сб. статей. Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 7. М., 2001; *Budnitskii O.* Boris Bakhmeteff's Intellectual Legacy in American and Russian Collections. – Russian and East European Books and Manuscripts in the United States; Биография Б.А. Бахметьева на странице Бахметьевского архива на сайте Колумбийского университета: www.columbia.edu.

тесными. Б.А. Бахметьев создал частную инженерную компанию, выполнявшую заказы крупных фирм, принимал участие в разработке крупных проектов, имевших важное практическое, хозяйственное значение. Среди них строительство гидроэлектростанций на Днепре и Волхове, планы по ирригации и орошению Средней Азии.

С началом Первой мировой войны Б.А. Бахметьев стал активным деятелем Международного Красного Креста, а затем – членом Военно-Промышленного комитета и Закупочной комиссии, которая занималась организацией поставок армейского снаряжения из США и Англии. Здесь нашли применение и его обширные технические познания, и несомненные организаторские способности, и знание языков.

В феврале 1917 г. к власти в стране пришло Временное правительство. Б.А. Бахметьев сразу же заявил о своей поддержке нового правительства страны и в скором времени стал товарищем министра торговли и промышленности. В его ведении находились два департамента: коммерческого и технического образования, портов и торгового флота. Он был увлечен своей работой, позволявшей ему участвовать в решении крупных и перспективных задач, участвовать в выработке экономического курса страны. “Я никогда не был так занят, я никогда не был так счастлив, я никогда не был так удовлетворен”, – с грустью вспоминал он через многие годы⁴.

Однако на этой должности он пробыл всего два месяца. Российский посол в Америке, Г.П. Бахметев отказался признать Временное правительство и подал в отставку. Министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков во время одной из деловых встреч предложил Б.А. Бахметьеву отправиться за океан и возглавить российское посольство. При этом учитывалось и знание языка, и то обстоятельство, что Бахметьев посещал США, и то, что он обладал несомненными деловыми качествами.

25 апреля 1917 г. Б.А. Бахметьев был назначен начальником российской чрезвычайной миссии в США и на время пребывания в стране ему было присвоено звание чрезвычайного и полномочного посла. Миссия отправилась в США через Японию, затем в Сиэтл и поездом через всю страну в Вашингтон.

Российский дипломат Д.И. Абрикосов, служивший в Токио, вспоминал: “Нам было интересно, что за дипломата посылает Временное правительство представлять себя за границу. Бахметев показал себя умным и блестящим человеком, но сильно отличался от наших представлений о русском дипломате” и добавлял с некоторым недоумением: “Бахметева сопровождало около пятидесяти человек представителей различных министерств с женами, секретарями и даже друзьями секретарей. У всех было очень высокое жалование, невозможное в царской России”⁵.

20 июня 1917 г. миссия прибыла в США. 5 июля 1917 г. Б.А. Бахметьев вручил верительные грамоты президенту США В. Вильсону. Началась его дипломатическая карьера, складывавшаяся на первых порах вполне успешно. Он установил связи в правительственных и деловых кругах страны, выполнял поручения правительства, с неизменным успехом выступал в различных аудиториях, даже в Конгрессе США. В ноябре 1917 г. он находился в Мемфисе, выступал с очередной речью, направленной на пропаганду военных усилий России, расширение и укрепление российско-американских связей, формирование положительного облика демократической России. И в это время пришло известие о перевороте в Петрограде. Дипломат сразу же сделал недвусмысленное заявление о своем несогласии с новой российской властью и о том, что она не отражает дух и настроение народа страны.

Американское правительство подтвердило дипломатический статус Б.А. Бахметьева и продолжило поддерживать с ним деловые отношения. По закрытым посольским каналам осуществлялось финансирование поставок оружия и снаряжения Белым армиям. При этом сам Бахметьев не отдавал предпочтения кому-то из руководителей Белого движения, хотя лично в большей степени симпатизировал А.В. Колчаку. Российский

⁴ *Bakhmeteff B.A. Oral History Memoir. – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, boxes 37–38, p. 246–247.*

⁵ *Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. М., 2008, с. 313.*

посол продолжал активную пропагандистскую деятельность в США, встречался с американскими государственными деятелями, стремясь оказать влияние на формирование американской политики в отношении России.

Дипломатическая карьера Б.А. Бахметьева завершилась в 1922 г., когда на Раппальской конференции Советской России удалось добиться международного признания. Средства массовой информации и Конгресс США оказывали все растущее давление на Белый дом, требуя отставки посла, уже в течение пяти лет представлявшего несуществующее правительство. 30 июня 1922 г. Б.А. Бахметьев оставил свой пост.

Уход в отставку не стал для Б.А. Бахметьева катастрофой. Вместе с семьей он переехал в Нью-Йорк и вернулся к инженерной деятельности, создав компанию по проектированию гидравлических систем. Кроме того, он возглавил предприятие по производству спичек, оказавшееся успешным и приносящее существенный доход. С.В. Базавов (1886–1958), муж сестры Бахметьева Юлии, занял должность управляющего фабрикой; многолетней помощницей Бахметьева стала русская эмигрантка Е. Пост (1899–1988). Наконец, Бахметьев стал профессором Колумбийского университета, преподавал гидравлику. Он издал несколько значительных научных работ, стал членом многих научных объединений и получил престижные награды в области прикладных исследований. Человек незаурядных способностей и большой культуры, блестящий оратор и успешный дипломат, Б.А. Бахметьев проявил себя и в качестве решительного, удачливого предпринимателя, способного уловить дух времени, и выдающегося исследователя. И если можно говорить о типе “русского европейца”, то он, несомненно, в полной мере представлял собой тип “русского американца”. Однако особый интерес для нас представляет то обстоятельство, что он стал одним из самых видных деятелей российской эмиграции в Америке и это случилось, прежде всего, благодаря той обширной и разносторонней поддержке, которую он оказывал многочисленным россиянам, как и тем, кто оказался за океаном, так и тем, кто остался в Европе.

Еще будучи послом, Б.А. Бахметьев использовал свое влияние, чтобы помочь перебраться в США русским ученым В.К. Зворыкину, И.И. Сикорскому и О.Л. Струве. После окончания Гражданской войны поток беженцев в США увеличился. Многие из них нуждались в поддержке.

В 30-х годах XX в. в США сложилось отчетливое понимание жизненной необходимости благотворительной деятельности, систематической поддержки науки и культуры, помощи тем гражданам страны, которые в этом нуждаются. Крупнейшие фонды Рокфеллера, Форда, Моргана собирали немалые средства и затем распределяли их по университетам, лабораториям, музеям, исследовательским компаниям, передавали ученым, деятелям культуры, стремясь стимулировать творческую энергию для скорейшего выхода из глубокого экономического и духовного кризиса, который переживала страна.

В русле этой традиции, успешно демонстрировавшей свою эффективность и плодотворность, в 1936 г. Б.А. Бахметьев создал свой Гуманитарный фонд, ставший в его руках главным инструментом оказания помощи нуждающимся, поддержки культурных и научных организаций русскоязычной эмиграции. Финансовую базу фонда составили поступления от доходов спичечного производства. Среди лиц, получивших поддержку фонда в первые же годы его существования, были писатели, историки, философы, общественные, политические и военные деятели: П.Б. Струве, Г.В. Вернадский, А.В. Флоровский, С.Г. Пушкин, А.Ф. Изюмов, С.П. Мельгунов, Н.О. Лосский и Г.П. Федотов, А.И. Юденич, А.Ф. Керенский, И.А. Бунин и Б.К. Зайцев. Е.Д. Кускова и С.Н. Прокопович получали деньги от Гуманитарного фонда вплоть до смерти его основателя в 1951 г. Финансовая поддержка фонда помогала существовать целому ряду эмигрантских организаций, таких, как Толстовский фонд, Русская академическая группа в США, Литфонд, Владимирская православная семинария, Ассоциация русских адвокатов⁶.

⁶ Ульянкина Т.И. Проблема выживания: российские ученые-эмигранты в послевоенной Европе. – Институт истории естествознания и техники РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М., 2004.

После революции 1917 г. Россию покинули сотни тысяч человек. Часть их оказалась в США. В наши дни потомков русских эмигрантов можно встретить во многих штатах страны. Наиболее популярными среди эмигрантов были район Новой Англии, Калифорния, штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут, Массачусетс. К середине XX в. русскоязычная эмиграция в США насчитывала уже более двадцати лет своей истории. Социальная и психологическая адаптация выходцев из России в Америке осуществлялась сравнительно успешно. Страна эмигрантов предоставляла новопривыкшим широкие возможности для трудового и профессионального устройства. Тысячи и тысячи выходцев из России нашли свое место в американской жизни, трудились в промышленности и сельском хозяйстве, многие из них внесли заметный вклад в развитие американской науки и техники, им принадлежали важные открытия и изобретения. В ряде ведущих университетов страны трудились профессора российского происхождения, воспитывая, в частности, первых американских славистов, специалистов по языку и культуре России. Наступала пора подведения некоторых итогов, осмысления пройденного эмиграцией исторического пути.

Эту потребность ощущали многие деятели русскоязычной общины в Америке. На страницах эмигрантской печати был опубликован ряд острых, взволнованных материалов на эту тему. Б.А. Бахметьев не участвовал в политической жизни русской общины, держался в стороне от горячих дискуссий и наивных мечтаний о свержении в ближайшем будущем советского строя. Вместе с тем с высоты прожитых лет, богатого и разнообразного опыта ученого, профессора, предпринимателя и дипломата он полагал, что ему есть чем поделиться. Об этом свидетельствует надиктованная им машинопись воспоминаний объемом свыше шестисот страниц, сохранившаяся в его архиве⁷.

Потребность в подведении итогов, стремление высказаться привели в 1942 г. к созданию в Нью-Йорке “Нового журнала”, продолжающего выходить и в наши дни. Замысел его создания возник у М.А. Алданова и М.О. Цетлина при поддержке И.А. Бунина. Перед журналом с самого начала стояли две задачи: сохранение культурного наследия русской эмиграции как части русской культуры и сплочение русскоязычной общины на основе принадлежности к русской культуре.

Начиная с № 12 (1946 г.), редактором журнала стал М.М. Карпович, профессор Гарвардского университета и ближайший сотрудник Б.А. Бахметьева, игравший важнейшую роль и в деятельности Гуманитарного фонда. Он, в частности, уделял особое внимание проблеме сохранения истории русскоязычной эмиграции, под его руководством раздел мемуаров в журнале стал содержательным и разнообразным, и, главное, постоянным⁸.

Принято считать, что знаменитая Фултонская речь У. Черчилля 1946 г. ознаменовала начало эпохи “холодной войны”. Мир поляризовался и стал двухполюсным, сформировалась конфронтационная модель взаимоотношений между США и Советским Союзом. В ее основе лежало представление о несовместимости идеологических ценностей двух военно-политических блоков. Новое направление американской политики – курс на ограничение распространения коммунистической идеологии подразумевал глубокое и всестороннее изучение самой природы этой идеологии, стремление к пониманию истории, культуры, духовных ценностей сверхдержавы, противостоящей США. В известной “Длинной телеграмме”, составленной дипломатом, историком и политологом Дж.Ф. Кеннаном 22 февраля 1946 г., он призывал изучать советскую историю, культуру, политику “беспристрастно, объективно, эмоционально, грамотно, решительно”⁹.

⁷ *Bakhmeteff B.A. Oral History Memoir.* – Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture.

⁸ *Паев М. М.М. Карпович и его “Комментарии” в “Новом журнале”.* – Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. Реферативный журнал, 2001, № 4, с. 8–18; *Зейде А. М. Карпович и русская историография в Америке.* – Новый журнал, 2008, № 253.

⁹ *Foreign Relations of the United States. 1946.* № 6, p. 696–709.

В этом же году в Колумбийском университете был создан Русский институт, первый в стране комплексный научно-исследовательский и учебный центр, занимавшийся изучением России и Советского Союза. Активную научную деятельность вел и Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета, созданный еще в 1919 г. и ставший за эти годы обладателем крупнейших документальных фондов по истории и культуре России в США.

Железный занавес, разделивший Европу, лишил русскоязычную эмиграцию крупнейшего собрания документальных источников, связанных с историей Гражданской войны и Белого движения, российской культурой. Речь идет о Российском заграничном историческом архиве (РЗИА), созданном в Праге в 1923 г. и действовавшем до 1945 г., когда его основные фонды были переданы в дар Советскому Союзу чехословацким правительством¹⁰. Обширные коллекции периодики, хранившиеся в архиве, не представляли интереса для советских представителей. Они остались в Чехословакии и в наши дни находятся в Славянской библиотеке в Праге. Практически с момента создания РЗИА над формированием этих коллекций работал Л.Ф. Магеровский, ставший в дальнейшем одним из основателей и многолетним куратором Бахметьевского архива.

Лев Флорианович Магеровский (1896–1986) родился в Одессе¹¹. Он учился в Ришельевской гимназии, а затем – во Владимирском Киевском кадетском корпусе. После начала Первой мировой войны он окончил Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и воевал на Юго-Западном фронте. Участник гражданской войны, Л.Ф. Магеровский после поражения Белого движения эмигрировал в Прагу, где закончил Карлов университет и создал информационное агентство РУССУНИОН, интенсивно и целенаправленно сотрудничавшее со многими ведущими мировыми агентствами. Он был активным участником политической жизни русской эмиграции, писал статьи, выступал с докладами и лекциями. Много сил и времени он посвятил работе в РЗИА, где занимал должность одного из заместителей директора. Он основал и на протяжении двадцати лет заведовал в архиве отделом периодики.

После Второй мировой войны Л.Ф. Магеровский переехал из Праги, занятой советскими войсками, в американскую зону оккупации в Германии и создал в Регенсбурге православную церковную организацию для оказания помощи соотечественникам. В 1948 г. ему удалось уехать в США. Он восстановил связи с американскими общественными и научными деятелями, которые завязались в период деятельности РУССУНИОН и РЗИА, и поддержал идею создания в Нью-Йорке русского архива.

В соответствии с достигнутым в 1951 г. соглашением управление Русским и Восточноевропейским архивом осуществлялось совместно администрацией Колумбийского университета и представителями русскоязычной эмиграции. “Положение” о создании архива было утверждено Президентом университета. Деятельностью архива руководило правление, в состав которого первоначально вошли профессор М.М. Карпович, основатель Русского института при Колумбийском университете и его директор в течение 1946–1951 гг. профессор Г. Робинсон, директор библиотечной сети университета и декан Библиотечной школы доктор К. Уайт, декан созданной в 1946 г. Школы международных отношений университета профессор С. Уоллес. Председателем Правления стал славист профессор Ф.А. Мозли, которого Магеровский позднее, после его кончины, назвал “незабвенным великим другом русской культуры”.

Профессора Филиппа Мозли (1905–1972) нередко называют самым влиятельным американским советологом периода “холодной войны”¹². Ему успешно удавалось коор-

¹⁰ *Попов А.В.* Русское зарубежье и зарубежная архивная Россия. – Новый журнал, 2003, № 230, с. 217–245; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Россия: несостоявшийся альянс. М., 2004.

¹¹ См. о нем подробнее на сайте: www.zarubezhje.narod.ru.

¹² *Mosely P.E.* Russian Diplomacy and the Opening of the Eastern Question in 1838 and 1839. Cambridge (Ma.), 1934; *Engerman D.* The Cold War’s Organization Man. – Humanities, 2009, v. 30, № 5.

динировать усилия и интересы академической науки, государственной политики, осуществлявшейся администрацией страны, и филантропическими организациями, финансировавшими исследования по изучению истории, политики, экономики Советского Союза, всего комплекса дисциплин, получившего название советологии.

Русский язык Ф. Мозли начал изучать еще в средней школе. Он окончил Гарвардский университет и защитил диссертацию по истории русской дипломатии 30-х годов XIX в. под руководством М.М. Карповича. В 30-х годах XX в. он побывал в Москве, работал в архивах и наблюдал успехи первой пятилетки. Вернувшись в США, он начал преподавательскую деятельность, сотрудничал с ведущими государственными организациями и благотворительными фондами. С началом Второй мировой войны он перешел на работу в Государственный департамент. В составе американских делегаций Ф. Мозли принимал участие в важных международных конференциях, включая Потсдамскую конференцию 1945 г.

Говоря о послевоенном устройстве мира, Ф. Мозли утверждал, что необходимо налаживать сотрудничество между странами Запада и Советским Союзом. Он призывал к “миру на основе взаимной терпимости”, однако историческая реальность сложилась по-другому. В 1951 г. ученый оставил государственную службу и стал директором Русского института в Колумбийском университете. Будучи председателем правления Бахметьевского архива, он наладил тесное сотрудничество между Русским институтом и архивом. Одновременно он вел исследовательскую, преподавательскую и организационную деятельность в университете и ведущих научных объединениях США. В 1954 г. он стал руководить исследовательским управлением в важном и влиятельном Совете по международным отношениям и ушел из Колумбийского университета.

Профессор Героид Робинсон (1892–1971), ставший одним из членов правления Бахметьевского архива, еще в 30-х годах XX в. в поисках источников для своих исследований по русской истории пользовался материалами Пражского заграничного исторического архива. Видимо, именно в Пражском архиве он познакомился с Л.Ф. Магеровским¹³. После создания Управления стратегических служб (УСС), предшественника ЦРУ, он стал руководителем Восточноевропейского отдела Главного управления по исследованиям и анализу УСС. УСС действовало в тесном контакте с английской разведкой, при этом, по мнению американского писателя К. Форда, в целом деятельность американских аналитиков, руководимых Робинсоном, была более успешной. Он утверждал, что в 1942–1943 гг. Г. Робинсон летал в Англию для встреч с коллегами, аналогичное ведомство которых размещалось в Оксфорде. После одного из обсуждений англичане признали: “У вас лучшие ученые, у вас больше информации, мы согласны с вашими оценками”¹⁴. В составе американских делегаций Г. Робинсон участвовал в конференциях в Квебеке в 1943 г. и в Сан-Франциско в 1945 г.

В 1946 г. Г. Робинсон организовал и стал первым директором Русского института в Колумбийском университете. Он приложил много усилий для расширения славянских коллекций библиотеки университета и для привлечения новых материалов в Бахметьевский архив. Так же, как и другой член правления архива историк и политолог С. Уоллес (1898–1974), Г. Робинсон был членом Совета по международным отношениям.

По инициативе Л.Ф. Магеровского и по предложению правления Президент университета учредил Комитет содействия архиву из числа известных деятелей русскоязычной эмиграции. В состав комитета были приглашены А.Л. Толстая, М.А. Алданов, И.А. Бунин, В.А. Маклаков и Б.И. Николаевский. Председателем Комитета содействия стал М.М. Карпович.

¹³ *Robinson G. Rural Russia under the Old Regime. New York, 1932; Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983, с. 14; Ingersoll J.S. Columbia University Libraries' Slavic and East European Collections: A Preliminary History at 100 Years Book. – Russian and East European Books and Manuscripts in the United States, p. 79.*

¹⁴ *Ford C. Donovan of OSS. Boston (Mass.), 1979, p.152.*

Как хранитель архива Л.Ф. Магеровский считал своей первоочередной задачей привлечение в архив частных коллекций. Для этого, прежде всего, им была разработана гибкая система передачи личных фондов в архив. Владельцы могли передать свои собрания бесплатно или за вознаграждение, при этом обычно оговаривались условия допуска к переданным документам посторонних лиц, ибо университет был заинтересован в использовании материалов архива в учебных и исследовательских целях. Во многих случаях владельцы собраний настаивали на ограничении допуска к их материалам посторонних лиц, назначая Магеровского попечителем их личных фондов. Вся ответственность за исполнение их требований ложилась на плечи хранителя архива, который твердой рукой наносил надпись “секретно – не вскрывать” на коробки с документами и они становились недоступными для посетителей. После смерти Л.Ф. Магеровского в 1986 г. правопреемником и попечителем этих фондов стал его сын Евгений Львович Магеровский (1934–2009), ученый-политолог, полковник американской армии, яркий представитель русскоязычной эмиграции в США.

На протяжении 26 лет, Л.Ф. Магеровский был единственным человеком, который точно знал состав фондов и даже наполнение конкретных личных собраний, найти что-либо в архиве без его помощи было трудно. Он всячески противился допуску к фондам с надписью “секретно” посторонних. Он опасался, что посетитель может быть советским шпионом. Его опасения не были лишены основания.

В послевоенные годы советские спецслужбы развернули чрезвычайную активность в европейских странах по розыску и похищению русских эмигрантов. Достаточно сказать, что, по сведениям, собранным В. Быстровым, все сотрудники РЗИА, оказавшиеся после войны в СССР, погибли¹⁵. Последовательный интерес был проявлен и к книжным и, особенно, архивным собраниям, созданным русским зарубежьем. Достаточно упомянуть о передаче в Советский Союз Пражского архива и о судьбе книг из известной Тургеневской библиотеки в Париже, вывезенных немецкими оккупантами в 1940 г. и затем, уже после войны, оказавшихся в ряде советских книгохранилищ.

Американский историк Патриция Гримстед вспоминала, что в 60-х годах XX в., когда она работала над диссертацией по русской истории XIX в. и пыталась получить доступ в Бахметьевский архив, где, по сведениям, полученным от коллег, имелись относящиеся к ее теме документы, ей было отказано под предлогом отсутствия материалов, представляющих для нее интерес. Позднее выяснилось, что это утверждение не соответствовало действительности¹⁶.

Она вспоминала, что примерно через десять лет после этого случая Л.Ф. Магеровский не разрешил группе советских архивистов посетить архив и последовательно сопротивлялся попыткам опубликовать подробное описание фондов. “В то время со всей моей юношеской наивностью мне не была очень симпатична позиция Магеровского, – отмечала Гримстед в 2003 г. – Сегодня она мне не только симпатична, но я полностью понимаю, что его отношение к таким попыткам было вызвано определенной позицией советской стороны и предпринимавшимися ею действиями”¹⁷.

Вместе с тем, по подсчетам Л.Ф. Магеровского, за первые 26 лет существования архива по его материалам было написано около 300 диссертаций по русской истории и истории русской культуры: от философских и богословских трактатов до исследований по истории балетного искусства. Л.Ф. Магеровскому удалось во многих странах мира получать для Бахметьевского архива частные собрания, принадлежавшие русским

¹⁵ *Быстров В.* Конец Русского заграничного исторического архива в Праге. – Международная конференция “Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: результаты и перспективы исследований: фонд Славянской библиотеки и пражских архивов”, Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов, вып. 1. Прага, 1995, с. 79–80.

¹⁶ *Grimsted P.K.* Russian Attitudes Towards Archival Rossica Abroad: Cultural Reintegration or Political Agenda? – *Russian and East European Books and Manuscripts in the United States*, p. 113.

¹⁷ *Ibidem.*

эмигрантам, уцелевшим после войны, главным образом, в разрушенной войной Европе. В течение 26 лет он практически в одиночку собирал, описывал и систематизировал материалы. К концу 70-х годов XX в. Бахметьевский архив включал в себя более 600 частных собраний, содержащих не менее 2 млн. единиц хранения.

С фондами Бахметьевского архива нередко возникали сложные ситуации, когда библиотечно-архивные интересы переплетались с политическими и морально-психологическими.

Остановимся на одном эпизоде. Он подробно описан в статье П. Гримстед. В 1946 г., в связи с расширением славянских фондов и увеличением количества читателей, интересующихся славянскими материалами, впервые в истории библиотеки университета была создана должность “русского библиографа”. Им стал С.И. Болан (1896–1972), прибывший в США вместе с Б.А. Бахметьевым в качестве одного из младших сотрудников посольства. После ухода Бахметьева с должности посла он занимался букинистической торговлей, совместно с ведущими американскими книготорговцами, занимавшимися славянскими книгами, Г. Краусом и И. Перлштейном играл активную роль в приобретении старых и редких изданий и произведений искусства, которые в соответствии с решением правительства СССР в значительных количествах вывозили из Советского Союза объединения “Международная книга” и “Амторг”. Он способствовал формированию славянских коллекций Библиотеки Конгресса США и библиотек ведущих университетов страны. В США он был признанным специалистом по истории славянской книги¹⁸.

Начиная с 1947 г. университет приобретал документы из известного собрания Г.А. Алексинского. В наши дни его личный фонд в Бахметьевском архиве насчитывает около 4 500 наименований. Среди документов, купленных университетом, письма Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова, Л.Д. Троцкого, К. Каутского, Б. Муссолини, М. Горького и Р. Люксембург. В собрании Г.А. Алексинского Болан обнаружил автографы четырех писем В.И. Ленина. В те годы книжная торговля и книгообмен между СССР и США были незначительны. Библиотека университета остро нуждалась в современной советской справочно-библиографической литературе. Болан получил поддержку Мозли и Робинсона, членов правления архива и руководителей Русского института, и в январе 1956 г. обратился в советское посольство в Вашингтоне с предложением обменять письма В.И. Ленина на справочно-библиографические издания Всесоюзной Книжной палаты и документы съездов КПСС. Его предложение было встречено с энтузиазмом. По мнению П. Гримстед, советская сторона была кроме того чрезвычайно заинтересована в получении информации о составе фондов архива. Обмен должен был пройти тайно, по закрытым каналам. Как в частной беседе объяснил Мозли Болану, “если хоть одно слово просочится в эмигрантскую общину, что мы сотрудничаем с какими-то советскими организациями в снабжении их неопубликованными материалами, это вызовет чудовищную бурю и приведет к тому, что прекратится поступление эмигрантских материалов в наш архив”¹⁹. Несмотря на оправданные опасения Мозли, сохранить договоренность в секрете удалось ненадолго. Уже в мае 1956 г. в газете “Нью-Йорк Таймс” появилась статья о поездке С.И. Болана в Москву. В статье говорилось, что в обмен на письма В.И. Ленина библиотека университета получит свыше пятнадцати тысяч изданий на русском языке²⁰. Позднее факт передачи писем был подтвержден и советской стороной²¹. Это был единственный случай, когда Бахметьевский архив передал СССР документы из своих фондов.

В 1977 г. Л.Ф. Магеровскому исполнился 81 год и администрация университета предложила ему уйти на пенсию. Он пытался сопротивляться, но безрезультатно и был

¹⁸ *Свойский М.Л.* Осколок Империи. – Библиофилы России, вып. 6. М., 2009, с. 15–31.

¹⁹ Цит. по: *Grimsted P.* Op. cit., p. 110.

²⁰ *The New York Times*, 7.VI.1956.

²¹ *Виноградов Л.К.* Послесловие. – *Пересветов Р.* Поиски бесценного наследия: о судьбе некоторых рукописей В.И. Ленина, 2-е изд. М., 1968, с. 324–325.

вынужден уйти из архива. В это же время Гуманитарный фонд прекратил финансирование Бахметьевского архива. Его обеспечение полностью взял на себя Колумбийский университет, тем самым он позиционировал себя как полноправного владельца архива. Университет был заинтересован в активном использовании архивных материалов в учебном процессе и в научных разработках. Университетское руководство приняло решение осуществить полную инвентаризацию собраний.

К концу 70-х годов XX в. в США сложилась новая реальность, которую Л.Ф. Магеровскому не хотелось признавать. Для русских эмигрантов первой волны архивные документы не имели ретроспективной ценности. Они были для них личными документами, частью делопроизводства политических и общественных организаций, а не историческими документами. После смерти многих эмигрантов первой волны документы, хранившиеся в коробках с надписью “секретно – не вскрывать”, утратили свою общественно-политическую остроту и злободневность. Их стали рассматривать как исторические источники.

Резко негативную реакцию Л.Ф. Магеровского вызвало отстранение представителей русской эмиграции от участия в руководстве деятельностью архива. В статье, опубликованной в “Новом журнале”, он указывал, что “впервые за все время своего существования архив оказался в руках некомпетентных людей, неизвестных эмиграции и не облеченных ее доверием. Отсутствие у администрации заботы о таком доверии, конечно, является неслыханным до сих пор и грубым нарушением джентльменского соглашения 1951 г. при основании Архива”. «Наиболее неблагоприятным, – утверждал он, – сейчас является то, что мои предупреждения – не трогать без меня те многочисленные материалы, для которых я лично был определен попечителем (с правом назначения преемника), не были приняты к руководству. Трудно представить себе худшее отношение к людям, которые на основе доверия ко мне лично 26 лет наполняли архив ценными историческими материалами. Казалось бы, их воля должна быть обязательной и непререкаемой, а ею просто пренебрегли. Вскрываются картонные ящики с моей надписью “секретно – не вскрывать”, а содержание их читается. Даются сведения из моей абсолютно секретной переписки». Л.Ф. Магеровский подчеркнул, что в документах о передаче ряда личных фондов в архив говорилось о передаче на хранение, а не в собственность, с тем, что вкладчик имеет право потребовать свои материалы обратно, например, для опубликования, и добавил, что предпринятые рядом вкладчиков после его ухода из архива попытки получить свои материалы обратно встретили отказ со стороны администрации университета²².

Л.Ф. Магеровского поддержали известные деятели русской эмиграции. Так, историк С.Г. Пушкарёв в статье “Два архива русской эмиграции”, опубликованной в газете “Новое русское слово”, отметил “большую, успешную и безукоризненную работу Л.Ф. Магеровского” и напомнил, что по устному договору основателей архива с руководством Колумбийского университета было установлено считать его в общем владении университета и русской эмиграции. Историк, которому было уже почти 90 лет, призывал в статье американских профессоров “помоложе”, специалистов по русской истории, заинтересованных в процветании архива, “оказать содействие в восстановлении мира и дружбы между университетом и российской эмиграцией в США”²³.

В статье С.Г. Пушкарёва упомянуто, что историк Г.В. Вернадский частично отдал при жизни, частично завещал свое собрание Бахметьевскому архиву. И именно Г.В. Вернадский рекомендовал Пушкарёву также отдать архив Л.Ф. Магеровскому. Пушкарёв последовал совету и передал свою обширную коллекцию газетных и журнальных вырезок Бахметьевскому архиву. Однако после ухода из архива Л.Ф. Магеровского свое основное – рукописное – собрание он решил передать библиотеке Йельского университета, в котором работал многие годы.

²² Магеровский Л.Ф. Судьба Бахметьевского архива – рапорт русскому зарубежью. – Новый журнал, 1981, № 143, с. 228–232.

²³ Новое русское слово, 20.XI.1977.

Ряд эмигрантских организаций, в том числе Русская академическая группа в Америке и Конгресс русских американцев, попытались оказать давление на администрацию университета, намереваясь добиться сохранения присутствия представителей эмигрантской общины в руководстве архива, но безрезультатно. Правда, руководитель административной комиссии по архиву профессор В.Е. Харкинс сообщил в письме в газету “Новое русское слово”, что Л.Ф. Магеровский будет участвовать в работе по описанию архива, а информационная служба университета уточнила, что он будет работать “в качестве советника при инвентаризации”²⁴. Страсти постепенно утихли. Руководить Бахметьевским архивом стал новый куратор доктор П. Магоши, специалист в области восточноевропейских языков и культур. Бахметьевский архив продолжал развиваться и после ухода Л.Ф. Магеровского, его фонды пополнялись все новыми и новыми собраниями, университет выделял необходимые средства на приобретение действительно значимых фондов, опираясь на экспертные оценки ученых-славистов.

* * *

В настоящее время в архиве находится более 1 500 фондов, принадлежащих отдельным лицам, обществам и организациям²⁵. В качестве примера мы остановимся на некоторых из них: мы ограничимся лишь фондами по истории и культуре России. Архивные фонды, связанные с историей других восточноевропейских стран, должны стать предметом отдельного рассмотрения.

На протяжении всей жизни в США Б.А. Бахметьев занимал заметное положение в американском обществе и – сначала – как российский посол, дипломат высшего ранга, и – затем – как видный предприниматель, крупный ученый-исследователь, профессор престижного Колумбийского университета. Более того, он стал одним из активных деятелей Республиканской партии, членом Политического клуба. Это была одна сторона его жизни. Другая была не менее важной: он занимался благотворительностью. Сфера его влияния и известности отнюдь не ограничивалась Америкой. Не случайно русская эмигрантка А.В. Тыркова-Вильямс, обустроившаяся в Лондоне, пытаясь помочь И.А. Бунину, проживавшему в Париже, советовала ему в 1923 г.: “Напишите Бор. Ал. Бахметеву. Он человек очень ловкий и если захочет, может Вас защитить. Думаю, что ему польстит, что Вы к нему обращаетесь. Лесть он любит”²⁶.

Личное собрание Б.А. Бахметьева, хранящееся в архиве, носящем его имя, чрезвычайно значительно по объему: свыше 34 тыс. ед.хр. в 86 коробках. Это собрание имеет, прежде всего, деловой, рабочий характер. Бахметьев восхищался американской деловитостью, предприимчивостью и умением видеть перспективу. К своей повседневной деятельности по оказанию помощи соотечественникам он подходил с позиций эффективности и целесообразности.

Обширная корреспонденция, хранящаяся в собрании Б.А. Бахметьева, охватывает деятельность российского посольства в США в 1917–1922 гг., Русского информационного агентства и Гуманитарного фонда. Особый интерес представляют переписка посольства с Временным правительством, и документы о событиях Гражданской войны, Парижской мирной конференции, Советской России 20-х годов XX в. Корреспондентами Б.А. Бахметьева были В.А. Маклаков, Е.Д. Кускова, первый министр-председатель Временного правительства Г.Е. Львов. Он поддерживал переписку и с видными амери-

²⁴ Новое русское слово, 21.VII.1977.

²⁵ *Grant S., Brown J.* The Russian Empire and Soviet Union: A Guide to Manuscripts and Archival Materials in the United States. Boston, 1981; *Russia in the Twentieth Century: The Catalog of the Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University.* New York, 1987. См. также электронный каталог на сайте: <http://library.columbia.edu/indiv/rbml/bakhtmeteff.html>.

²⁶ Письма А.В. Тырковой-Вильямс к И.А. Бунину. – С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002, с. 353.

канцами. Среди них знаменитый журналист Дж. Спарго, член Верховного Суда Л. Брандейс, ближайший помощник президента В. Вильсона полковник Эд. Хьюз, Дж.Ф. Даллес, знаменитый летчик Ч. Линдберг, Т.Г. Массарик, будущий президент Чехословакии.

В 1953 г. архив приобрел коллекцию документов Е.В. Саблина (1875–1949), занимавшего должность посла Временного правительства в Лондоне до 1924 г., когда правительство Великобритании признало Советскую власть. В коллекции представлены документы как последнего посольства Николая II, так и посольства Временного правительства.

Е.В. Саблин был членом Совета послов, созданного в 1921 г. в Париже при французском правительстве во главе с М.Н. Гирсом. Совет объединял бывших дипломатических представителей Временного правительства в ряде стран и занимался оказанием помощи русским эмигрантам. В фонде Е.В. Саблина более 24 тыс. ед. хранения. В нем находятся документы, рассказывающие о деятельности Совета послов и лично Саблина по организации помощи беженцам, в частности, о получении виз на въезд в Великобританию и о решении других эмиграционных проблем. Е.В. Саблин поддерживал обширную переписку с широким кругом корреспондентов. Среди них отметим В.А. Маклакова, А.Ф. Керенского, В.В. Набокова, Ф.И. Шаляпина, П.Б. и Г.П. Струве, А.В. Тыркову-Вильямс, Дж. Кеннеди, М.В. Добужинского. Собрание содержит рукописи статей и выступлений Е.В. Саблина, вырезки из газет и журналов на нескольких языках, книги, листовки, брошюры, русскоязычные газеты, издававшиеся в Англии, программы вечеров, концертов и приемов, проходивших в посольстве, а также многочисленные фотографии.

В середине XX в. профессиональное сообщество русских историков-эмигрантов в США насчитывало несколько десятков человек. Их научные интересы были обращены, главным образом, на историю дореволюционной России. Академическая и научно-преподавательская деятельность этих ученых остается малоизученной страницей российской науки. Рассматривая фонды Бахметьевского архива, мы в сжатом виде остановимся на личных собраниях М.М. Карповича, Г.В. Вернадского и С.Г. Пушкирёва.

М.М. Карпович (1888–1959) прибыл в США в качестве личного секретаря Б.А. Бахметьева. Он рассчитывал вскоре вернуться в Россию, однако произошел Октябрьский переворот и он вынужден был остаться в Америке. Вскоре к нему из России приехала невеста, они поженились и он принялся за скучную канцелярскую работу. Но неожиданно М.М. Карпович получил приглашение на работу в Гарвардский университет. Он стал профессором русской истории и провел в этом знаменитом университете тридцать лет. Причем с 1949 по 1954 г. он заведовал кафедрой славянских языков и литературы. В 1957 г. по случаю его отставки, помимо теплого прощального вечера, университет организовал издание сборника, составленного из статей 27 учеников Карповича, ставших видными американскими славистами, профессорами ведущих университетов²⁷. М.М. Карпович был подлинным посредником между двумя культурами. Как писал один из его учеников Р. Бирнс: “Я не могу представить себе более эффективного моста, ведущего из России Ключевского, Богословского и Петрушевского к американским исследователям, учителям и американскому обществу в целом”²⁸. Кроме широкой исследовательской и преподавательской деятельности, М.М. Карпович на протяжении многих лет был главным редактором “Нового журнала”, принимал активное участие в работе издательства им. Чехова. Именно его опыт в качестве редактора русскоязычного журнала, как и его собственный опыт эмигранта, в конечном итоге, обусловили его влияние на американскую среду уже как американского профессора русской истории.

²⁷ McLean H., Malia M., Fisher G. Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies, v. IV. Cambridge (Mass.), 1957; Mosely P.E., Malia M.E., Chamberlin W.H., Mohrenschildt D. von. Michael Karpovich, 1888–1959. – Russian Review, 1960, v. 19, № 1; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

²⁸ Byrnes R.F. Review. – The Slavic and East European Journal, 1958, v. 17, № 2, p. 142–143.

Именно М.М. Карпович стал инициатором и движущей силой чуть ли не всех крупных культурных начинаний русской общины, ее естественным центром притяжения. Профессор Колумбийского университета М. Раев, ученик Карповича, в разговоре со мной с теплотой и искренней признательностью вспоминая своего наставника, упомянул, в частности о том, что студенты М.М. Карповича знали о его огромной общественной деятельности в русскоязычной общине и относились к ней с глубоким уважением и пониманием, хотя она и отнимала немало времени у их профессора²⁹.

Собрание М.М. Карповича в Бахметьевском архиве, насчитывающее более трех тыс. ед.хр., содержит, в частности, его переписку с такими разными адресатами, как А.Ф. Керенский и А.И. Гучков, эсерами Н.Д. Авксентьевым и В.М. Зензиновым, меньшевиками Б.И. Николаевским и Н. Вольским, крупными историками М.Т. Флоринским, С.Г. Пушкарёвым, Г.В. Вернадским. Среди его адресатов М.А. Алданов, И.А. Бунин, А.М. Ремизов, Г.П. Струве, Р.Б. Гуль, многочисленные студенты-слависты, включая таких в будущем известных исследователей, как Р. Пайпс и М. Раев.

В отличие от Карповича Г.В. Вернадский (1887–1973) отдавал предпочтение академической научной деятельности. Он эмигрировал сразу после революции и обосновался в Праге, где примкнул к движению евразийцев, взяв на себя обоснование исторического раздела этого заметного научного и общественно-политического направления. В 1927 г. он переехал в США, где в течение многих лет преподавал в Йельском университете.

Возможно, от своего отца, академика В.И. Вернадского, Георгий Владимирович унаследовал стремление к фундаментальным, широким научным построениям, крупным издательским проектам. Так, совместно с М.М. Карповичем им была задумана многотомная “История России”. Вернадский должен был написать – и написал – пять томов, охватывающих период от Древней Руси до Московского царства. Смерть не дала возможности М.М. Карповичу внести свой вклад в этот проект и довести историю России до XX в. Содержательным и актуальным остается вклад Г.В. Вернадского в развитие евразийской социокультурной теории. Он не разделял многих политических идей евразийства, что закрепило за ним репутацию объективного и академически беспристрастного исследователя.

Обширный фонд Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве – более 80 тыс. ед.хр. – содержит рукописи, различные подготовительные материалы для сочинений, статьи, рецензии, фотографии, связанные с деятельностью Г.В. и В.И. Вернадских. Он поддерживал огромную переписку, освещавшую и его деятельность в Пражском институте им. Кондакова, и участие в различных издательских начинаниях, конференциях, ассоциациях. Круг корреспондентов Г.В. Вернадского исключительно широк. Среди них немало известных евразийцев, таких, как П.Н. Савицкий и Я.А. Бромберг, деятели науки и культуры: С.В. Рахманинов, В.В. Набоков, Н.О. Лосский, Р.О. Якобсон, П.Б. Струве, В.И. Вернадский, французский философ А. Бергсон, профессор русской истории Колумбийского университета г. Робинсон.

К этой же группе видных американских историков российского происхождения относится и С.Г. Пушкарёв (1888–1984). Его личное собрание в Бахметьевском архиве насчитывает более десяти тыс. ед.хр. Начальный период жизни историка был бурным и сложным. После окончания курской гимназии, С.Г. Пушкарёв, как он не без юмора замечал в книге “Память прожитых лет”, учился в четырех университетах: харьковском, киевском, лейпцигском и гейдельбергском. В столыпинское время он увлекся марксизмом в его плехановском варианте и даже вступил в РСДРП, за что и провел два с половиной месяца в трех тюрьмах: белгородской, курской и харьковской. В 1917–1920 гг. С.Г. Пушкарёв служил рядовым солдатом в четырех воинских частях и был тяжело ранен. После крымской эвакуации – активная научная и педагогическая деятельность

²⁹ Запись беседы автора с профессором Колумбийского университета М. Раевым 5 октября 2002 г. См. также: *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994.

в Праге, продолжавшаяся до 1945 г., четыре года в лагерях для перемещенных лиц “Ди-Пи” в Баварии и, наконец, по протекции Г.В. Вернадского, в 1949 г. он переехал в США и занял преподавательскую должность в Йельском университете³⁰.

С переездом в США начался успешный и плодотворный период творческой жизни историка. Вышли в свет такие его исследования, как трехтомная хрестоматия по русской истории, толковый словарь терминов по русской истории, историография Русской православной церкви, сборник статей “Ленин и Россия” и другие работы. Он консультировал А.И. Солженицына, когда тот писал свой историко-литературный цикл “Красное колесо”. В последние годы жизни С.Г. Пушкарёв сосредоточенно работал над подготовкой своих рукописей для архивного хранения. Его собрание представляет собой огромное количество печатных материалов, журнальных и газетных вырезок с 1920 по 1975 г., посвященных проблемам русской и советской истории, русской литературы, Второй мировой войны, Вьетнамской и Корейской войн, таким историческим персонажам, как И.В. Сталин и Н.С. Хрущёв, А.И. Солженицын и А.Д. Сахаров.

Собрание Г.П. Федотова (1886–1951), включающее в себя 1 300 ед. хр., было приобретено Бахметьевским архивом в 1962 г. Философ и религиозный мыслитель, историк и публицист, он поддерживал переписку с С.Н. Булгаковым, Н.О. Лосским, М.И. Цветаевой, Г.В. Флоровским, С.Л. Франком и Н.Н. Берберовой. Собрание содержит семейную переписку Федотова, рукописи и машинописные копии его статей, в частности, перевод Книги псалмов на русский язык, осуществлённый Г.П. Федотовым, материалы, связанные с конфликтом в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже в конце 30-х годов XX в. Институт был основан в 1925 г. и в течение нескольких лет Федотов был его профессором.

Личный фонд философа С.Л. Франка (1877–1950) насчитывает свыше 3 700 ед. хр. Собрание содержит материалы, повествующие обо всех этапах его жизни и деятельности, особенно о периоде, последовавшем после высылки из СССР в 1922 г. В эмиграции философ жил в Германии, Франции и Великобритании. Он поддерживал обширную переписку с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Г.В. Флоровским, Н.О. Лосским, Ф.А. Степуном, П.Б. Струве, А. Эйнштейном. В фонде С.Л. Франка хранятся письма В.И. Иванова и А.М. Ремизова. В собрании представлены рукописи лекций, статей и книг философа. В их числе “Свет во тьме”, “Реальность и человек”, “Биография П.Б. Струве”. Кроме того в фонде находятся записные книжки С.Л. Франка, переписка членов его семьи и семейная переписка с семьей П.Б. Струве.

40 тыс. ед. хр. – таков объем собрания историка и публициста С.Г. Сватикова (1880–1942). Он учился на юридическом факультете Петербургского университета, а потом – в Гейдельбергском университете, был членом РСДРП, примыкал к меньшевикам, встречался и переписывался с Г.В. Плехановым. С.Г. Сватиков был плодовитым публицистом и серьезным историком. Особенно его привлекали проблемы истории общественного движения в России. Он печатался в ведущих российских изданиях либерального направления. В эмиграции он продолжил свою литературную и исследовательскую деятельность. В 1938 г. в Париже он, например, издал монографию “Аркадий Гончаренко – основатель русской печати в Северной Америке”.

Кроме обширной переписки фонд С.Г. Сватикова содержит немало раритетов. В их числе записная книжка В.И. Засулич, документы, рассказывающие о деятельности Русского читального зала в Гейдельберге, Тургеневской библиотеки и Русского академического союза в Париже. Особый интерес представляют материалы, связанные с участием С.Г. Сватикова в знаменитом Бернском процессе по делу об авторстве “Протоколов сионских мудрецов” 1934 г. Выступая в качестве свидетеля и эксперта, он, на основании проведенных им разысканий, доказывал, что “Протоколы” являются плагиатом и мистификацией, сфабрикованной парижским бюро русского Охранного отделения. В библиотеке представлены такие сочинения историка, как “Россия и Дон. Исследование по истории политических движений на Дону” (Белград, 1924); “Россия и Сибирь”

³⁰ Пушкарёв С.Г. Воспоминания историка: 1905–1945. М., 1999.

(Прага, 1929). С.Г. Сватиков издал “Дневник Нелли Пташкиной. 1918–1920” – волнующий, трогательный документ, повествующий о мыслях, чувствах, переживаниях молодой русской эмигрантки, не выдержавшей всех трудностей расставания с родиной и привычным укладом жизни и покончившей с собой.

Участником Бернского процесса был и “охотник за провокаторами”, историк и публицист В.Л. Бурцев (1862–1942). Его фонд также хранится в Бахметьевском архиве. В нем содержатся материалы, связанные с публицистической и исследовательской деятельностью В.Л. Бурцева: переписка, статьи, рецензии, рукописи и печатные материалы, рассказывающие о работе журнала “Былое” и газеты “Общее дело”, о его участии в Бернском процессе.

Чтобы дать некоторое представление о размерах личного собрания Б.М. Сапира (1902–1989), скажем, что 73 архивные коробки с его материалами занимают около десяти метров архивных полок. Уже в 1919 г. Б.М. Сапир вступил в РСДРП и примкнул к меньшевикам. Вся его длинная жизнь была связана с этим общественным движением. Его называли “последним меньшевиком”. В 1921 г. он был арестован и провел несколько лет в Соловках и сибирской ссылке, а в 1926 г. эмигрировал. Б.М. Сапир был крупным историком российского общественного движения, публицистом и издателем с мировым именем. Он занимал видное место в европейском социалистическом движении. В 1985 г. университет Амстердама вручил ему почетную докторскую степень за научные заслуги. Яркая и разносторонняя исследовательская и издательская деятельность Б.М. Сапира в огромной степени отразилась в его архиве. Среди его корреспондентов были Ф.И. Дан и Л. Блюм, К. Каутский и П.Б. Аксельрод, И. Берлин и В. Брандт, М.З. Шагал и Г.Я. Аронсон, М.М. Карпович, Г.П. Струве, Г.В. Вернадский. Фонд Б.М. Сапира содержит уникальные материалы, рассказывающие о Заграничной делегации РСДРП, Берлинском клубе им. Мартова, Нью-Йоркском центре и других эмигрантских организациях³¹.

Выпускник Брюссельского университета, экономист С.Н. Прокопович (1871–1955) во время революции 1917 г. был министром Временного правительства. После революции он вместе с женой Е.Д. Кусковой (1969–1958) принимал активное участие в работе Всероссийского общественного комитета помощи голодающим. По обвинению в шпионаже супруги были арестованы и высланы из страны. В эмиграции С.Н. Прокопович как публицист сотрудничал в разных периодических изданиях, в том числе в берлинском “Экономическом вестнике” и в женевском “Quarterly Bulletins of Soviet Russian Economics”. Он издал две книги: “Идея планирования и итоги пятилетки” (Париж, 1934) и “Народное хозяйство СССР” (Нью-Йорк, 1952. 2 т.). В них он представил анализ экономики в СССР на основе официальной советской статистики. В Бахметьевском архиве хранятся рукописи С.Н. Прокоповича, подготовительные материалы, статьи и книги, изданные в эмиграции, а также переписка и редкие фотографии М.А. Алданова, А.М. Коллонтай, М.А. Осоргина, Н.А. Тэффи, П.Н. Милюкова, М. Кюри, Прокоповича и Кусковой.

Лидер кадетской партии, историк и публицист П.Н. Милюков (1859–1943) во время революции 1917 г. занимал в правительстве А.Ф. Керенского пост министра иностранных дел, а в эмиграции стал одним из авторитетных политических деятелей. Его фонд в Бахметьевском архиве насчитывает более четырех тыс. ед. хр. Среди корреспондентов П.Н. Милюкова были историки Д.Ф. Джеймсон и А.С. Лаппо-Данилевский, лидеры кадетской партии В.Д. Набоков и Н.И. Астров, философ и социолог, первый президент Чехословацкой республики Т.Г. Масарик, художник Н.К. Рерих, писатель и публицист, один из основоположников сионистского движения В.Е. Жаботинский. Особый интерес представляют документы, связанные с деятельностью Третьей Государственной думы (1907–1912) и изданием газеты “Последние новости” в Париже (1921–1940), воспоминания и дневники П.Н. Милюкова периода Гражданской войны и эмиграции, подгото-

³¹ Материалы из архива Б.М. Сапира были использованы в книге: *Corrsin S., Jansen M., Scarruffi E. Boris Moiseevich Sapir: Menshevik and Social Historian. Amsterdam, 1997.*

вительные материалы к крупному сочинению Милокова “Очерки по истории русской культуры”.

В Бахметьевском архиве представлены чуть ли не все краски российского политического спектра, кроме, естественно, большевиков. В нем хранится часть архива партии эсеров (две тыс. ед.хр.). Большой интерес представляет переписка таких политических деятелей, как Н.Д. Авксентьев, В.М. Чернов, И.И. Фондаминский, О.С. Минор, В.М. Зензинов. В архиве есть даже одно письмо Е.Ф. Азефа. Тема провокаторства, борьбы с агентами полиции занимает много места в переписке членов партии эсеров. Значительная часть писем адресована лидерам партии М.А. Натансону и С.П. Постникову. Кроме того в архиве имеются протоколы заседаний “Заграничной делегации” партии эсеров и экземпляры газеты “Социалист-революционер” (1927–1932).

Даже в российском политическом мире, отнюдь не испытывающем недостатка в ярких, даже безрассудных и авантюрных персонажах, фигура В.М. Зензинова (1880 – 1953) вызывает вполне заслуженный интерес. Купеческий сын, после окончания гимназии он уехал в Германию, где учился в лучших университетах. В Германии он познакомился с Н.Д. Авксентьевым и И.И. Фондаминским и стал членом Боевой организации партии эсеров. В 1905 г. В.М. Зензинов был арестован и сослан в Сибирь. Несколько раз он бежал из сибирской ссылки. В 1910 г. его арестовали и сослали на побережье Ледовитого океана. В ссылке он написал два интересных этнографических исследования: “Очерки торговли на севере Якутской области” и “Старинные люди у холодного океана”. В ходе революции 1917 г. В.М. Зензинов стал членом исполкома Петроградского совета и членом ВЦИК. С приходом к власти большевиков он эмигрировал, жил сначала в Париже, а затем – в Нью-Йорке. Во время советско-финской войны он ездил в Финляндию в качестве корреспондента и написал книгу “Встречи с Россией. Письма в Красную армию 1939–1940” (Нью-Йорк, 1944). Весь материал для книги был собран на полях сражений с ноября 1939 по март 1940 г. и представляет собой полные тексты 277 писем, собранных финнами на телах убитых советских солдат.

В личном фонде В.М. Зензинова в Бахметьевском архиве более 18 тыс. ед.хр. В нем находятся переписка с Н.Н. Берберовой, И.А. Буниным, В.М. Черновым, М.А. Добужинским, Ю.П. Иваском, А.Ф. Керенским, Г.П. Струве, А.Л. Толстой, Г.В. Вернадским, редактором газеты “Новое русское слово” Я. Цвибаком (Андреем Седых). В фонде представлены дневники и воспоминания В.М. Зензинова о Февральской революции 1917 г. и о советско-финской войне. Помимо рукописей самого политика в его архиве находятся материалы З.Н. Гиппиус и В.М. Чернова, а также документы, рассказывающие об истории и повседневной жизни лагерей для перемещенных лиц “Ди-Пи”, деятельности “Лиги борьбы за народную свободу”, одним из основателей которой был А.Ф. Керенский, с которым В.М. Зензинов поддерживал очень близкие, дружеские отношения, и выпуски журнала “За свободу”.

Восточно-Европейский фонд, филиал Фонда Форда, осуществлял финансирование самого крупного издательского проекта русскоязычной общины в США – издательства им. Чехова. Собрание материалов, рассказывающих об истории и деятельности издательства, было передано в дар Бахметьевскому архиву.

Издательство находилось в Нью-Йорке и существовало с 1952 по 1956 гг. Созданное в буквальном смысле слова на пустом месте и постоянно преодолевавшее различные организационные и финансовые трудности, оно смело выпустило 178 книг 129 авторов. Активную роль в создании издательства сыграл М.А. Алданов. Он составил программу деятельности издательства. Общественный совет при редакции издательства им. Чехова возглавила А.Л. Толстая, председатель Толстовского фонда в США.

Возглавлял издательство литератор Н.Р. Вреден (1901–1955). Бывший морской офицер, он прожил недолгую жизнь, полную знаменательных событий и нередко опасных приключений. Во время Гражданской войны служил на бронепоезде “Адмирал Колчак”, затем стал пулеметчиком тяжелого танка и участвовал в боях под Петроградом, а после поражения Белого движения перебрался в США. Он написал интересные воспоминания о Гражданской войне и перевел на английский язык такие заметные произведе-

ния, как роман М.А. Алданова “Начало конца”, книги Т. Полнера “Толстой и его жена” и Ю.Б. Елагина “Укрощение искусства”.

В собрании писателя М.А. Алданова (1888–1957) более 6 700 ед.хр. М.А. Алданов сыграл важную роль в общественной и культурной жизни русской эмиграции. Он был не только талантливым писателем, но и умелым организатором. М.А. Алданов принимал активное участие не только в создании издательства им. Чехова, но и был причастен к возникновению в 1942 г. “Нового журнала”, существующего и поныне.

В Бахметьевском архиве широко представлены материалы по истории русской литературы.

В фонде Н.А. Тэффи (1876–1952) более пяти тыс. писем, рукописей, автографов, фотографий. В нем находятся письма М.А. Алданова, И.А. Бунина, А.В. Амфитеатрова, Б.Г. Пантелеймонова и даже К.М. Симонова.

В фонде Б.К. Зайцева (1881–1972) всего около 900 ед.хр. Он содержит немало любопытных материалов. Прежде всего, это обширная переписка с М.А. Алдановым (105 писем), И.А. Буниным (161 письмо), Н.А. Тэффи (101 письмо), А.М. Ремизовым (41 письмо). Среди корреспондентов писателя были также Андрей Белый, В.Ф. Ходасевич, Б.Л. Пастернак, С.М. Лифарь, В.И. Иванов. В собрании хранятся рукописи ряда произведений писателя.

В 1982 г. поэтесса Л.Д. Червинская (1907–1988) передала в дар архиву свыше сотни писем 1952–1972 гг. поэта и литературного критика Г.В. Адамовича (1892–1972), письмо поэта Г.И. Иванова, рукописи стихотворений, экземпляры газет, извещавших о кончине Адамовича.

В небольшом собрании Р.Н. Гринберга (1893–1969) 75 ед.хр. Р.Н. Гринберг вошел в историю русской литературы как издатель и редактор журнала “Опыты” (1953–1954) и альманаха “Воздушные пути” (1960 – 1967). В его фонде в Бахметьевском архиве находятся 28 писем В.В. Набокова, с которым Гринберга связывали дружеские отношения, 10 – Г.В. Адамовича и три письма польского поэта Ю. Тувима.

Значителен по объему личный фонд историка искусства и литературоведа В.В. Вейдле (1895–1979). В нем около 15 тыс. ед.хр. Выдающийся мыслитель и публицист, незаурядный художественный критик и историк искусства, талантливый поэт, В.В. Вейдле практически был неизвестен в Советском Союзе, хотя в западной философии, особенно в эстетике, он занимал почетное место наряду с таким “властителем дум”, как испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Блестяще образованный, владевший несколькими языками, В.В. Вейдле переписывался с писателями и учеными из многих стран. Среди его корреспондентов были поэт И.В. Чиннов (56 писем), Ю.П. Иваск (193 письма), В.Ф. Ходасевич (44 письма), Г.П. Струве (43 письма), французский философ Ж. Маритен, американский – российского происхождения – историк искусства и художественный критик Б. Беренсон. В фонде хранятся также письма М.З. Шагала, М.И. Цветаевой, Г. Миллера. Значительна по объему и переписка В.В. Вейдле с женой. Она охватывает 1914–1972 гг. Существенную часть личного архива В.В. Вейдле составляют документы, связанные с его пребыванием во Франции. В его фонде представлены также книги, журналы, копии статей, рукописи и фотографии.

В течение нескольких лет по частям Бахметьевский архив приобретал собрание документов (5 400 ед.хр.), принадлежавших театральному деятелю, режиссеру и критику Н.Н. Евреинову (1879–1953): рукописи, финансовые документы, мемуары супруги Евреинова Анны Александровны, фотографии и печатные материалы, связанные с его творческой деятельностью, главным образом, в эмиграции, письма И.Я. Билибина, Д.Д. Бурлюка, В.В. Каменского, Ж. Ануя, М.М. Фокина, В.В. Кандинского, В.Ф. Ходасевича, Д.С. Мережковского, П.Н. Милюкова.

10 тыс. ед.хр. составляют фонд художника М.В. Добужинского (1875–1957) в Бахметьевском архиве. Член объединения “Мир искусства”, иллюстратор произведений А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Г.Х. Андерсена, Ю.К. Олеси, с 1939 г. художник жил в США и умер в Нью-Йорке. Стоит акцентировать внимание на переписке художника с А.Н. Бенуа, М.А. Чеховым, Г.К. Лукомским, В.В. Набоковым, А.Л. Толс-

той, И.А. Буниным, М.М. Фокиным, С.А. Кусевичем и американским музыкальным и театральным продюсером С. Юроком. В архивном фонде хранятся очерки М.В. Добужинского о “Мире искусства”, А.А. Блоке, К.С. Петрове-Водкине, Х.М. Серте и об иллюстрациях к произведениям А.С. Пушкина. В нем представлены эскизы и наброски, рисунки, акварели, информационно-библиографические материалы, сопутствовавшие выставкам, многочисленные фотографии, рассказывающие об известных театральных постановках, увидевших свет рампы еще до Первой мировой войны.

Несомненный интерес представляют личные фонды, связанные с историей известных российских фамилий.

Фонд О.И. Субботиной (1886–1963) насчитывает более 100 тыс. ед.хр. Значительную его часть составляет переписка между О.И. Субботиной, ее братом В. Долгоруковым, ее сестрой Е. Таубе и их бабушкой М.С. Бенкендорф, урожденной княжной Долгоруковой, бывшей фрейлиной российского императорского двора. Письма рассказывают о жизни этого семейства. Кроме того, здесь хранятся документы, повествующие о событиях, настроениях, деятельности членов императорской семьи во время Первой мировой войны и революций, включая сообщения о высылке императорской семьи в Тобольск и Екатеринбург, письма и телеграммы императрицы Александры Фёдоровны, паспорта и завещания, свидетельства о рождении и заключении брака.

Среди корреспондентов С.Ю. Витте (1849–1915) такие известные государственные деятели, как К.П. Победоносцев и Ю.Ф. Самарин, писатели А.К. Толстой и И.С. Аксаков, даже Александр III, Николай II, кайзер Вильгельм. Значительное место в собрании занимают рукописи С.Ю. Витте, посвященные событиям русско-японской войны, проблемам аграрной реформы, вопросам внешней политики. Здесь же множество фотографий и рисунков, наглядно иллюстрирующих различные примечательные события, случившиеся на протяжении его долгой политической карьеры.

Личное собрание И.П. Беннингсена (1875–1955) включает переписку с членами семьи и рукописи, рассказывающие о его работе в российском правительстве и Красном Кресте, о событиях революции и Гражданской войны, о его эмиграции во Францию и Бразилию. Группа материалов повествует о деятельности Союза пажей и Объединения офицеров-кавалергардов в изгнании.

Фонд его брата, А.П. Беннингсена (1885–1950), содержит обширную коллекцию песен и стихотворений, созданных солдатами и офицерами Белой армии на юге России, и рукописный сатирический журнал, выпускавшийся в лагере русских беженцев в Галлиполи в 1921 г. А.П. Беннингсен после Гражданской войны оказался во Франции и наблюдал ее падение в 1940 г., о чем и рассказал в письмах, хранящихся в архиве.

Фонд С.С. Белосельского-Белозерского (1895–1978) насчитывает более 14 тыс. ед.хр. и состоит из двух частей. Одна из них относится к истории известной аристократической семьи Белосельских-Белозерских, другая – к истории российской конной гвардии. Семейный архив содержит многочисленные воспоминания и частные документы, переписку, причем среди корреспондентов князь А.М. Горчаков, И.И. Воронцов-Дашков, Э. Григ, Фр. Гизо, король Черногории Николай I, император Германии Вильгельм I, представители других аристократических российских семейств. В данном фонде хранятся рукописи произведений поэта и дипломата, российского посла в Турине в 1792–1793 гг. А.М. Белосельского-Белозерского. В другой части фонда собраны документы по истории русской военной эмиграции 30-х годов XX в. в Европе и США, особенно много материалов по истории русской конной гвардии, биографических документов, воспоминаний, юбилейных альбомов, несколько сотен фотографий, самые ранние из них относятся к середине XIX в.

Существенной особенностью русской эмиграции было стремление к объединению, к созданию организаций, в какой-то мере выполнявших функции государственных органов. Это было связано с общепринятым в российском зарубежье представлении о недолговечности большевистского режима. Ему отводили обычно 5–10 лет существования, а затем после триумфального возвращения в страну признанные лидеры Белого движения должны были возглавить процесс реставрации. Правда, было не вполне

понятно, реставрации чего: то ли монархии, то ли парламентской республики. В этом принципиальном вопросе эмиграцию раздирали мучительные противоречия.

Важнейшую роль в процессе реставрации дореволюционного режима и искоренения остатков большевизма должна была сыграть армия, созданный в эмиграции Русский общевоинский союз (РОВС), ставший центром русской военной эмиграции и одной из самых влиятельных политических сил русского зарубежья. С момента своего возникновения в 1924 г. он объединял русские воинские организации во многих странах мира и насчитывал около 100 тыс. членов.

В Бахметьевском архиве хранится собрание документов РОВС, насчитывающее более 70 тыс. ед.хр. Здесь представлена обширная и разнообразная переписка руководства союза, генералов П.Н. Врангеля, Е.К. Миллера, А.П. Кутепова, списки членов, приказы, протоколы офицерского суда чести. Особый интерес представляют донесения, информационные записки, аналитические обзоры ситуации в СССР и отдельное собрание документов, связанных с похищением агентами ГПУ генерала Е.К. Миллера.

РОВС имел филиалы в разных странах. В Бахметьевском архиве находится архив отделения РОВС в Северной Америке. Среди самых разных документов, рассказывающих о его деятельности, здесь хранятся письма, отчеты, печатные издания, относящиеся к истории Совета российского зарубежного воинства, находящегося в Париже, и филиалов РОВС в других городах США и Южной Америки.

Генерал А.П. Кутепов (1882–1930) руководил РОВС с 1929 по 1930 г., пока не был похищен агентами ГПУ. Его личный фонд также хранится в Бахметьевском архиве. В нем представлены документы по истории Гражданской войны на Дальнем Востоке и Юге России, материалы о лагерях беженцев в Галлиполи и Болгарии. К фонду относятся и многочисленные эмигрантские печатные издания, книги и журналы, часть из них связана с евразийским движением.

Фонд генерала А.И. Деникина (1872–1947) в Бахметьевском архиве складывался в два этапа: сначала вдова генерала К.В. Деникина (1892–1973) передала группу документов в дар, а затем в 1967 г. университет приобрел остаток собрания. Сейчас фонд насчитывает более 20 тыс. ед.хр. и состоит из документов и фотографий периода Гражданской войны и эмиграции, рукописей литературно-публицистических произведений А.И. Деникина, включая такое значительное, как “Очерки русской смуты”, его переписку. Среди корреспондентов Деникина можно назвать Б.А. Бахметьева, П.Н. Милюкова, И.С. Шмелёва, П.Н. Врангеля. В Бахметьевском архиве находится и личная библиотека генерала.

В фонде генерала А.А. Брусилова (1853–1926) и его жены Надежды Владимировны (1864–1938) около 300 ед.хр. Он состоит из писем, воспоминаний, фотографий 1914–1918 гг. и переписки Н.В. Брусиловой после кончины генерала. Печатные материалы, содержащиеся в этом собрании, связаны, главным образом, с успешной военной карьерой А.А. Брусилова в дореволюционный период и его деятельностью в рядах Красной Армии.

Руководство и рядовые члены РОВС стремились опираться в своей деятельности на лучшие традиции российской армии и флота и этому немало способствовало то обстоятельство, что архивы некоторых воинских частей, по крайней мере, частично, удалось вывезти за рубеж.

Так, в Бахметьевском архиве хранится часть архива лейб-гвардейского Финляндского полка. В данном фонде представлены в основном документы и материалы по истории этой воинской части в XX в. В эмиграции было создано “Объединение офицеров Финляндского полка”, насчитывавшее несколько десятков человек. С 1920 по 1963 г. выходила газета “Финляндец”. Было выпущено 42 номера, и в 1956 г. в связи со 150-летием полка увидел свет солидный юбилейный сборник. Они представлены в архиве наряду с другими многочисленными эмигрантскими изданиями.

В Бахметьевском архиве сохранилась и часть архива лейб-гвардии Измайловского полка, созданного в 1730 г. В 1922 г. в Париже возник “Союз измайловцев”. В архивном собрании сохранились воспоминания офицеров полка. Ранние документы фонда отно-

сятся к 30-м годам XIX в. В фонде также представлены редкие фотографии, гравюры и разнообразные печатные издания. Особый интерес представляет сборник “Измайловская старина”, 14 выпусков которого были опубликованы в 30–40-х годах XX в.

С фондом Измайловского полка связан эпизод, красноречиво иллюстрирующий всю сложность, неоднозначность проблемы владения, хранения и использования архивных собраний, созданных в российском зарубежье. Как рассказывает куратор Бахметьевского архива Т. Чеботарёва в статье, посвящённой проблемам хранения и возвращения архивных материалов, Российский фонд культуры обратился в Бахметьевский архив с настоятельным предложением передать фонд Измайловского полка в Россию³². Мотивировалось это предложение тем обстоятельством, что хранитель французской части полкового архива И.В. Траскин скончался, а его сын И.И. Траскин уже согласился передать России ту часть архива, которая хранилась в семье. С юридической точки зрения, И.И. Траскин выступал в качестве наследника своего отца, но никак ни его правопреемником относительно полкового архива.

История передачи Союзом измайловцев американской части архива в Бахметьевский архив была тщательно изучена сотрудниками архива. Они установили, что, прежде всего, в соответствии с имеющимися документами, фонд был передан на хранение, что было надлежащим образом документально оформлено. Договор о передаче на хранение недвусмысленно свидетельствует, что в случае возникновения необходимости судьба фонда определяется двумя представителями Союза измайловцев (или их преемниками), одним – из США, другим – из Франции. Затем сложившаяся ситуация обсуждается членами Административного комитета Бахметьевского архива. Право окончательного решения принадлежит президенту Колумбийского университета. Следовательно, с юридической точки зрения Бахметьевский архив является законным хранителем фонда и правовых оснований для его передачи в другие руки не существует.

В 2003 г. ведущие американские университеты, библиотеки, архивы участвовали в широком комплексе разнообразных мероприятий, посвященных 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга. Они проходили в нескольких городах США, в том числе в Нью-Йорке. Бахметьевский архив организовал обширную выставку по истории Российского императорского Пажеского корпуса, созданного в 1802 г. Представленные материалы рассказывали об истории корпуса, повседневной жизни и учебе воспитанников, их участии в придворной жизни, о той роли, которую многие из них сыграли в политической, военной, научной истории России. Отдельный раздел выставки был посвящен последнему выпуску корпуса, состоявшемуся в 1917 г., и деятельности Союза пажей в изгнании, объединения выпускников корпуса, созданного в 1920 г.

Для того чтобы расширить возможности ознакомления с материалами выставки, в Интернете на сайте Колумбийского университета был создан специальный раздел под названием “Русский императорский Пажеский Корпус. Каталог выставки в электронном формате”³³.

Фонд корпуса в архиве складывался постепенно. С 1957 по 1982 г. университет приобретал источники, связанные с историей Пажеского корпуса и Союза пажей в изгнании. В настоящее время фонд корпуса насчитывает около 2 650 ед.хр., среди которых самые разнообразные печатные материалы, воспоминания воспитанников, редкие фотографии, книги и периодические издания, выпущенные Союзом пажей. Достаточно заметить, что только в 1982 г. в архив было передано более 400 фотографий.

Предложение о передаче в Россию архива Пажеского корпуса, сделанное также Российским фондом культуры, было отклонено администрацией университета в связи с тем, что это собрание было приобретено архивом и, следовательно, является его собственностью.

³² *Chebotarev T. Repatriation of the Bakhmeteff Archive: Russian Dreams and American Reality. – RBM: A Journal of Rare Books, Manuscripts and Cultural Heritage, 2005, v. 6, № 1.*

³³ См.: www.columbia.edu/cu/lweb/eresources/exbitions/pages.

Остается в очередной раз отдать должное предусмотрительности и дальновидности Л.Ф. Магеровского, тому вниманию, которое в процессе организации и затем дальнейшего функционирования Бахметьевского архива он уделял, казалось бы, чисто административным, канцелярским вопросам, умелой и эффективной организации делопроизводства. В наши дни это обстоятельство позволяет в случае необходимости объективно и доказательно, с представлением соответствующих документов ответить на разнообразные вопросы, связанные с принадлежностью того или иного фонда, обстоятельствами его передачи в Бахметьевский архив на хранение или в собственность, наличием ограничений при использовании материалов собраний, проблем правопреемственности.

В ходе обсуждения таких сложных проблем, как сохранение, использование, перемещение, включая возвращение, тех или иных архивных материалов, необходимо учитывать, что, кроме, несомненно, желательных демонстраций доброй воли и стремления к сотрудничеству, обстоятельств историко-культурного и морально-этического характера, существуют и правовые, юридические критерии и приступать к обсуждению и решению конкретных историко-архивных проблем, игнорируя действующие нормы внутреннего и международного права, финансовую сторону дела, значит сразу же создать острый конфликт между заинтересованными сторонами вместо того, чтобы попытаться найти удовлетворительные пути выхода из исторически сложившейся далеко не простой ситуации.

На сайте университета в Интернете представлен еще один электронный каталог выставки, созданной по материалам Бахметьевского архива. Он называется “Плавыльный котел: Русско-Еврейский Нью-Йорк” и посвящен истории и выдающимся представителям еврейской эмиграции в США из России и Восточно-европейских стран. Здесь представлено около 140 фотографий и различных документов³⁴.

Значительное внимание в российском зарубежье уделялось благотворительной деятельности. Так, в архиве сохранился очень значительный по объему – 52 тыс. ед.хр. – и содержательный фонд “Общества помощи русским детям за рубежом”, существовавший с 1926 по 1964 г. Здесь представлена огромная переписка общества, списки спонсоров и детей, получавших помощь, финансовые документы.

Интерес представляет и фонд “Комитета по образованию русской молодежи в изгнании”, здесь около 35 тыс. ед.хр. Документы охватывают период с 1914 по 1939 г. Этот Комитет сосредоточил свою главную деятельность во Франции. Специалист по истории русской эмиграции Е.В. Хитрова отмечает, что, благодаря его поддержке, только в 1924 г. более 200 русских студентов смогли получить образование³⁵. Среди корреспондентов директора комитета профессора Т. Уитмора такие известные деятели, как президент Дж.Э. Гувер, С.В. Рахманинов, крупный американский финансист, советник президента Ф. Рузвельта, Б. Барух, имя которого носит один из нью-йоркских колледжей, изобретатель Т. Эдисон.

В архиве хранятся фонды целого ряда русских эмигрантских организаций, созданных и действовавших не только в США, но и в других странах. Среди них можно назвать “Объединение бывших кадет Петровского Полтавского кадетского корпуса”, “Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике”, “Объединение русских адвокатов во Франции”, “Общество русских юристов-эмигрантов в Германии”, “Особый комитет по делам русских в Финляндии”, “Союз бывших русских судебных деятелей во Франции”, “Российская лаун-теннисная федерация”, “Русские экспедиционные силы во Франции и Македонии”, “Русский национальный комитет”, “Союз русских писателей и журналистов в Париже”, “Союз русских шоферов”.

³⁴ См.: ldpd.lamp.columbia.edu/omeka/exhibits/show/melting-pot.

³⁵ Хитрова Е.В. Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами. – Россия и Франция XVIII–XX века, вып. 4. М., 2001, с. 260.

В наши дни Бахметьевский архив, насчитывающий более полутора тысяч фондов, является в США вторым, после библиотеки Гуверовского института войны, революции и мира, архивным собранием документов по русской истории и культуре за рубежом. Интерес к Бахметьевскому архиву, наметившийся в последние годы, связан с такими тенденциями более общего характера, как попытки найти объяснение современных социо-культурных процессов в историческом прошлом, обращение к общечеловеческим, гуманистическим ценностям, углубленное осмысление творческой, созидательной роли личности в культурно-историческом процессе. Обширные и разнообразие материалы, хранящиеся в архиве, представляют собой содержательную источниковедческую базу для исследований самого разного характера. Мы приведем, в качестве примера, ряд исследований, осуществленных в последние годы отечественными историками с использованием материалов Бахметьевского архива.

Часть из них составляют сообщения о находках и открытиях, информация о составе тех или иных фондов. Среди них, например, статья Т.И. Ульянкиной о деятельности российских ученых-эмигрантов в Европе после Второй мировой войны³⁶. И.А. Шомракова рассматривает фонды Бахметьевского архива с позиций историка книги и книгоиздательского дела, более подробно останавливаясь на собрании издательства им. Чехова³⁷.

“Национальное самосознание общества в переходные эпохи объективно обуславливает повышенное внимание исторической науки к уникальному опыту сохранения академических традиций нашими соотечественниками в иной этноконфессиональной и социокультурной среде”, – в этом видит актуальность своего исследования Е.В. Петров, осуществивший анализ и предпринявший попытку обобщения профессионального и академического опыта работы русских профессоров в университетах США³⁸. В своей работе он широко использовал материалы Бахметьевского архива.

Ряд исследований посвящен конкретным фондам или материалам архива. Например, Е.В. Петров рассказывает о собрании видного специалиста по экономической истории России В.Г. Симховича (1874–1959)³⁹. В.Н. Козляков посвятил свой обзор документам из личного фонда Г.В. Вернадского⁴⁰.

В Бахметьевском архиве хранится собрание Г.Н. фон Мекк (1861–1974). Это внучка Н.Ф. фон Мекк, имя которой осталось в русской истории рядом с именем П.И. Чайковского, и внучатая племянница композитора. Большая часть собрания – это обширная автобиография Г.Н. фон Мекк (660 страниц), доведенная до конца Второй мировой войны. Ее отец был расстрелян, она тоже была арестована и заключена в лагерь, затем последовала сибирская ссылка. После освобождения ей удалось перебраться в Англию, где она и закончила свои дни. Одна из первых женщин-автомобилисток в России, она признавалась, что у нее в жизни были две подлинные страсти: автомобили и музыка. В ее собрании хранятся осуществленные ею переводы на английский язык 681 письма П.И. Чайковского, которые были опубликованы в Англии⁴¹.

³⁶ Ульянкина Т.И. Указ. соч.

³⁷ Шомракова И.А. Материалы по истории книжного дела русского зарубежья в Бахметьевском архиве. – Россия в США, с. 80–85.

³⁸ Петров Е.В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX столетия: источники и историография. СПб., 2000.

³⁹ Петров Е.В. Лекции В.Г. Симховича (1874–1959) по экономической истории России в Колумбийском университете США. – Ежегодник Санкт-Петербургского института истории РАН и Республиканского гуманитарного института СПбГУ, т. 1. СПб., 2007, с. 24–35.

⁴⁰ Козляков В.Н. Обзор коллекции документов Г.В. Вернадского в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке. – Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998, с. 395–444.

⁴¹ Petr Ilich Tchaikovsky. Letters to His Family. London – New York, 1981.

По материалам архива создан ряд справочно-библиографических изданий. Укажем, например, работу М.В. Шатова, посвященную малоизученным вопросам военной и социально-политической истории народов России периода Второй мировой войны⁴².

В 1982 г. Русский институт был преобразован в Институт углубленного изучения Советского Союза и получил имя У.А. Гарримана, политического и общественного деятеля, в течение нескольких лет занимавшего пост губернатора штата Нью-Йорк и поддерживавшего славянские исследования в Колумбийском университете. В своем заявлении о реформировании института Гарриман подчеркнул: “Моя цель совершенно ясна: я хочу стимулировать и поощрить углубленное изучение СССР. Основывать политику на игнорировании и иллюзиях очень опасно. Политика должна быть основана на знании и понимании”. В наши дни в поле зрения Института Гарримана находится вся огромная территория между Германией и Тихим океаном, все республики бывшего Советского Союза и страны Восточной Европы.

Бахметьевский архив принимает активное участие во многих исследовательских проектах, которые осуществляют Институт Гарримана и факультет славянских языков, и учебной деятельности университета. Например, среди студентов осенью 2010 г. был проведен конкурс на лучший перевод на английский язык рассказа Л.Н. Толстого “Алёша Горшок”. Конкурс сопровождался однодневным международным симпозиумом “Лев Толстой и его английские переводы” и выставкой первых изданий произведений писателя и их переводов на английский язык, фотографий писателя, его переписки из фондов библиотеки университета и Бахметьевского архива.

В 2001 г. состоялась научная конференция, посвященная 50-летию создания Бахметьевского архива. В работе конференции участвовали представители ряда ведущих научных центров США, среди них университеты, архивы, Нью-Йоркская Публичная библиотека. Были и участники из-за рубежа, в том числе и из России.

Фонды Бахметьевского архива постоянно пополняются. Так, в 2010 г. Х. Шаляпина, невестка Ф.И. Шаляпина (1873–1938), передала в дар архиву обширную коллекцию документов и фотографий, рассказывающих о жизни и деятельности великого певца и его сына, талантливого художника Б.Ф. Шаляпина (1904–1979). Собрание содержит, в частности, письма К.А. Коровина, С.В. Рахманинова, Т. Драйзера, А.М. Тамирова и Т. Шайн, материалы, связанные с участием Ф.И. Шаляпина в фильме “Дон Кихот” (1933), фотографии и вырезки из периодических изданий, рассказывающие о путешествии Б.Ф. Шаляпина в СССР в 1960 г.

Красноречивым символом Колумбийского университета является богиня Минерва, ее скульптурное изображение установлено перед одним из зданий. Голову богини украшает корона. На сайте университета в Интернете представлен раздел под названием “Сокровища ее короны. Сокровища специальных коллекций библиотек университета”. Среди этих сокровищ представлены и материалы Бахметьевского архива. Среди них, например, полковничий патент, подписанный Петром I и А.Д. Меншиковым 3 мая 1722 г., деньга Ивана IV, рукопись письма Николая I А.Х. Бенкендорфу 19 июня 1837 г. из Петергофа, альбомы Александры Верещагиной с автографами М.Ю. Лермонтова 1830 г. Здесь же рукописный альбом, принадлежавший С. Потресову, с автографами К.Д. Бальмонта, И.Я. Билибина, И.А. Бунина, М.А. Волошина, В.В. Набокова и других выдающихся деятелей отечественной культуры 1906–1948 гг.

В фондах Бахметьевского архива отражена жизнь русскоязычной общины в США во всем ее многообразии, творческие усилия одаренных ученых и литераторов, поиски и напряженные размышления общественных деятелей и политиков. Сама жизнь, сама изменчивая действительность определяла спонтанный процесс формирования архива во всем его своеобразии.

⁴² Шатов М.В. Библиография Освободительного движения народов России в годы второй мировой войны (1941–1945). – Труды Архива РОА, хранящегося в Колумбийском университете, т. 1. Нью-Йорк, 1961.

Материалы архива повествуют о людях русского зарубежья, от таких выдающихся творцов, как И.А. Бунин, М.И. Цветаева, В.Ф. Ходасевич, М.А. Алданов, от таких значительных исторических деятелей, как С.Ю. Витте, А.И. Деникин, Н.Н. Юденич или А.Ф. Керенский, до людей, казалось бы, ничем не примечательных, ничем не прославленных и не знаменитых, однако ставших персонажами гигантского исторического действия. Великая страна породила великую эмиграцию.

Собрания Бахметьевского архива рассказывают о том, как творила эмиграция и как она жила, каким она видела прошлое и как пыталась заглядывать в будущее, как важнейшие исторические события (в частности, революция и Гражданская война в России, приход А. Гитлера к власти в Германии, Вторая мировая война, смерть И.В. Сталина, “холодная война”) влияли на мироощущение, быт, жизненные установки людей русского зарубежья. Духовное единство с Россией, ее историей и культурой для русских эмигрантов оказалось прочным, органичным. Русские овладевали языком, вращались в американскую действительность, но российская действительность, настоящее и будущее их покинутой Родины составляли существенную часть их духовной жизни, находили отражение в их общественно-политической деятельности, литературном творчестве и научных исследованиях.

Завершая наш обзор истории создания и состава фондов Бахметьевского архива, приведем оценку современного положения дел в архиве, предложенную П. Гримстед: “Мы должны радоваться масштабам усилий, которые прикладывает Бахметьевский архив, чтобы обеспечить сохранность обширных коллекций, их описание и возможность широкого доступа к ним. Усилия кураторов сохранили множество ценных материалов, которые в другом случае могли остаться забытыми на чердаках, сгнить в подвалах или просто попасть в мусорные баки, выброшенные людьми, менее озабоченными памятью и наследием России за рубежом. Доступность таких богатых коллекций в Нью-Йорке обеспечивает фундамент для многих исследований и докторских диссертаций и способствует сохранению высокой оценки российской истории и культуры во всем мире”⁴³. Такая оценка представляется нам обоснованной и точной.

⁴³ *Grimsted P. Op. cit., p. 130.*